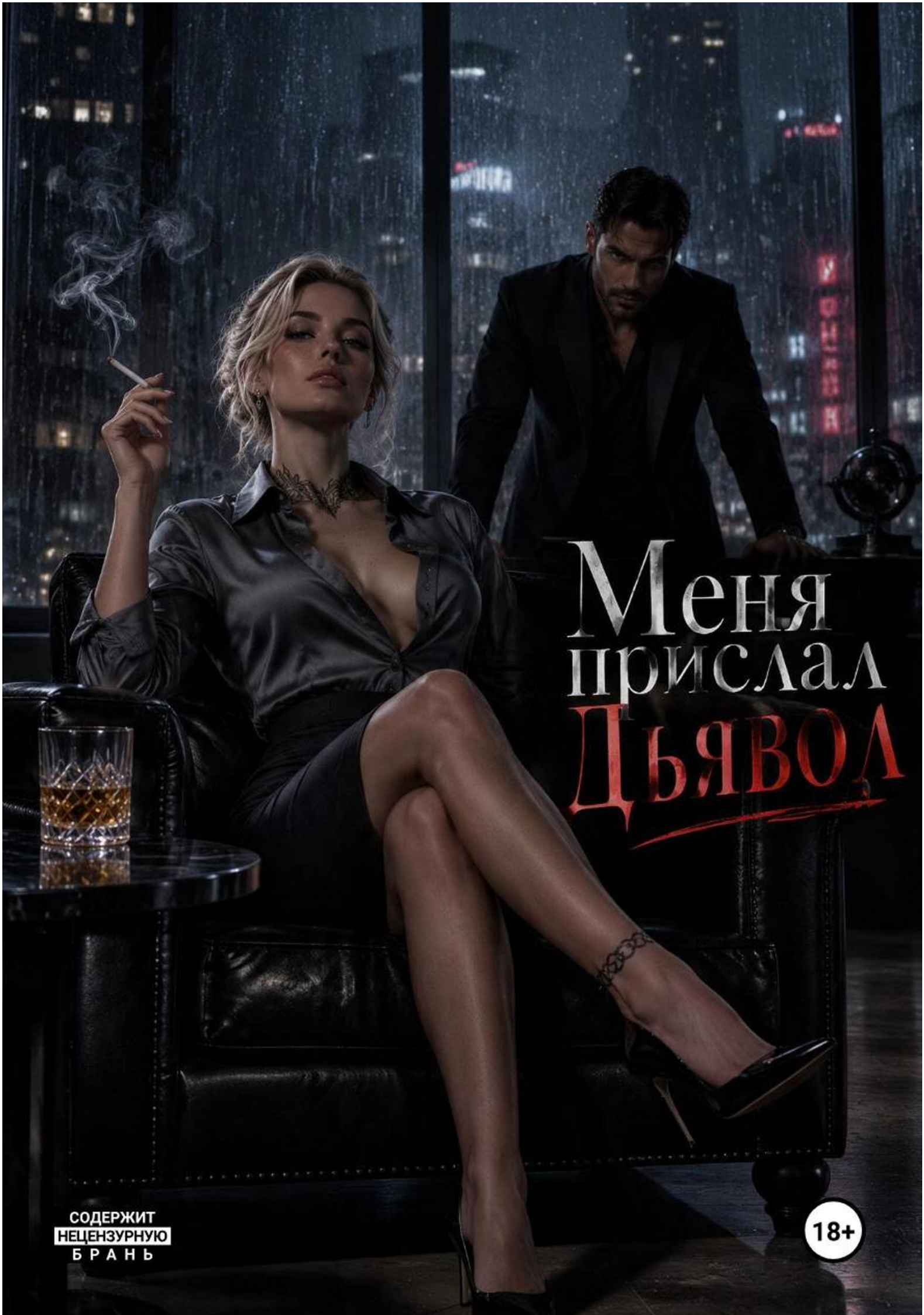
Меня
прислал
Дьявол
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Дария Риверс

Меня прислал Дьявол

«Автор»
2026

Риверс Д.

Меня прислал Дьявол / Д. Риверс — «Автор», 2026

Я умерла семь лет назад. Моя новая работа — исполнять чужие мечты о любви и смотреть, как они душат заказчиков.В современном Аду нет котлов и огня — только безупречная корпорация семи грехов, спрятанная за стенами старинного особняка. Я лучший агент отдела Любви и Похоти. Я не чувствую, не жалею и не задаю вопросов.Только приходящие обожают торговаться. Они приходят в его особняк, подписывают контракты и думают, что обманули судьбу. Они не знают главного: в его ведомстве самый высокий счёт всегда оплачивает тот, кто раздаёт карты.

© Риверс Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 15
Глава 4 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Дария Риверс
Меня прислал Дьявол

Глава 1

Глава 1. Любовь всей жизни

Дождь барабанил по стеклу так монотонно и беспощадно, будто кто-то наверху уже всё решил: сегодня Тимуру положено сломаться. Капли стекали по холодному стеклу, размывая огни ночного города в мутные, слепые пятна.

Элли сидела в кресле напротив, лениво закинув ногу на ногу, словно время над ней не властно.

На ней была шёлковая рубашка цвета мокрого асфальта — пуговицы расстёгнуты ровно настолько, чтобы открыть узкую полоску бледной кожи и тёмную татуировку у основания шеи. Юбка-карандаш сидела на ней слишком безупречно для женщины, которая только что пустила под откос чужую жизнь. Тонкие шпильки сухо, отчётливо цокали по паркету каждый раз, когда она меняла позу, и этот звук отдавался у Тимура прямо в висках.

На её щиколотке темнела тонкая татуировка: цепочка из мелких звеньев — словно клеймо или напоминание о том, что кто-то когда-то пытался её удержать. И не смог.

В длинных, изящных пальцах тлела сигарета. Едкий сизый дым лениво поднимался к потолку, пахнущий горьким табаком и её духами — чем-то холодным, с ноткой полыни и дождя.

Перед ней стоял стакан с виски. Дешёвым, обжигающим горло. Тимур мог позволить себе коллекционный односолодовый, выдержанный десятилетиями, но Элли скривилась и попросила «что-нибудь, что не пытается казаться умнее меня».

Он всё равно принёс самый дорогой. Ему отчаянно хотелось дать ей лучшее — хоть в чём-то.

Она даже не заметила разницы, налив себе щедро, до самых краёв.

—Ты опять на меня так смотришь, — произнесла Элли, выпуская тонкую струйку дыма в потолок. В её голосе не было ни тепла, ни злости - только ленивая усталость. — Будто я сейчас растворюсь в воздухе, и тебе придётся звонить в полицию.

— Ты можешь исчезнуть, —тихо, почти хрипло сказал Тимур. У него внутри всё сжималось от предчувствия беды, от этого липкого, ледяного страха, который он не мог прогнать.

— Могу. Но не сегодня. Сегодня у меня смена.

Он нервно усмехнулся, чувствуя, как пересохло в горле.

За последние три месяца Элли стала для него всем. Воздухом, смыслом, единственной точкой опоры в мире, который трещал по швам.

Сначала она появилась словно из ниоткуда - в полутёмном баре, где он пытался залить алкоголем горечь очередной провальной сделки.

Тимур сидел у самого окна, совершенно один, сжимая тяжёлый бокал, который ему обновляли уже в третий раз. Он смотрел на равнодушные огни города так, словно тот был ему должен — за все бессонные ночи, за выжженные нервы, за одиночество.

Элли опустилась на стул рядом без приглашения.

Заказала виски с таким названием, которое он даже не смог бы выговорить.

А потом повернулась и сказала:

— Ты выглядишь так, будто тебе срочно нужен кто-то, кто скажет тебе правду.

Он медленно повернул голову.

Она улыбалась — легко, чуть насмешливо, уголками губ. Блондинка с россыпью веснушек на переносице, слишком спокойными, бездонными глазами и сигаретой, заткнутой за ухо.

— Ты меня знаешь? - спросил он, чувствуя странный укол тревоги.

— Знаю. Ты Тимур. И тебе до жути страшно, что без своих денег ты - пустое место.

Он должен был вспыхнуть, разозлиться, встать и уйти.

Вместо этого - он пропал. Влюбился с первого вдоха.

Потому что она бросила эту правду не как пощёчину. Она сказала это так просто и буднично, словно давно знала все его страхи. Словно видела его насквозь, со всеми трещинами и слабостями - и всё равно осталась сидеть рядом.

- А ты кто? - спросил он тихо.

- Элли.

- И это всё?

- Пока да.

Он улыбнулся. Впервые за целую неделю тяжесть в груди чуть отпустила.

Они начали встречаться через два дня.

Сначала был ужин в пафосном ресторане, где официанты заискивающе знали его по имени. Элли пришла в глухом чёрном платье, с распущенными волосами, пахнущими ночным ветром, и на каблуках, которыми можно было убить. Тимур смотрел на неё через стол и с

изумлением ловил себя на мысли, что впервые в жизни ему не нужно надевать броню и кому-то что-то доказывать.

Она опустилась на стул напротив, брезгливо отодвинула кожаное меню и сказала:

- Если ты сейчас закажешь мне устриц, я встану и уйду.

- А чего ты хочешь?

- Картошку. Обычную жареную картошку. И чтобы ты наконец перестал делать вид, будто тебе не страшно.

Он замер, словно его ударили под дых.

- Я не боюсь.

- Врёшь.

- С чего ты взяла?

Она наклонилась чуть ближе. От неё потянуло холодом и табаком.

- Потому что у тебя руки ходят ходуном, Тимур.

Он опустил взгляд на свои ладони. Пальцы действительно мелко, предательски дрожали.

- Ты первая, кто это заметил, - признался он едва слышно, и в горле встал ком.

- Я замечаю слишком многое.

В ту ночь он поцеловал её первым - осторожно, боясь спугнуть.

Она не отстранилась.

Но и не ответила сразу.

Сначала просто замерла, вглядываясь в его лицо так пристально, словно взвешивала на невидимых весах его душу. А потом медленно подняла руку и положила ладонь ему на щёку. Кожа у неё была ледяной.

- Ты уверен? - тихо спросила она.

- Да, - выдохнул он без колебаний.

- Тогда потом не жалей.

И поцеловала его сама - глубоко, обжигающе, так, что у него закружилась голова.

Через неделю начались ночные звонки.

Сначала - редкие, робкие. Потом - каждую ночь, как наваждение.

Он набирал её номер, потому что не мог сомкнуть глаз. Потому что в голове гудели чужие голоса, рушились сделки, давили долги и враги, готовые разорвать его в клочья. Потому что стоило услышать её сонный голос в трубке - и весь этот безумный, враждебный мир затихал.

- Элли, - шептал он в темноту спальни. - Ты спишь?

- Нет.

- Можно я приеду?

- Ты уже спрашивал об этом вчера.

- Я знаю.

- И я уже сказала «да».

Он срывался и мчался через весь город.

Она открывала дверь в одной его просторной рубашке, босиком, с растрёпанными после сна волосами. Он переступал порог, сбрасывал тяжёлый пиджак, словно сдирал с себя чужую кожу, и падал на диван. Она приносила горячий чай, к которому он почти не прикасался, и садилась рядом, прижимаясь плечом.

Иногда они просто молчали, слушая, как за окном шумит город.

Иногда она травила байки - нелепые, смешные, про странных людей из ночных баров, про наглых таксистов, которые принимали её за ночную бабочку, про сумасшедшую соседку, в три часа ночи орущую на собственного кота.

И Тимур смеялся. По-настоящему, громко, до слёз, чувствуя, как оттаивает всё внутри.

Каждый раз, глядя на её смеющееся лицо, он думал с щемящей нежностью: вот оно. Вот она - та самая. Женщина, ради которой не жалко сжечь дотла всё, что у него есть.

Однажды они колесили ночью по пустым, залитым фонарями проспектам.

Он вёл машину медленно, боясь, что эта ночь закончится. Из динамиков тихо лилась старая, тягучая мелодия. Элли сидела рядом, по-детски закинув босые ноги на приборную панель, и смотрела в боковое стекло.

- Ты всегда такой мрачный за рулём, - заметила она.

- Я не мрачный.

- Врёшь.

- Просто задумался.

- О своих миллионах?

Он помолчал, глядя на мокрый асфальт впереди.

- О тебе.

Она медленно повернула голову.

- Обо мне?

- Да.

- И что же ты думаешь?

Тимур до побеления костяшек сжал кожаный руль. Сердце глухо ударилось о рёбра.

- Я думаю о том, что однажды ты просто исчезнешь.

Элли криво усмехнулась.

- Ты уже второй раз за сегодня это повторяешь.

- Потому что это правда. Я чувствую это.

Она протянула руку и кончиками пальцев коснулась его щеки.

Её прикосновение снова обожгло холодом.

Тимур вздрогнул всем телом.

- Я никуда не денусь, - произнесла она тихо, почти ласково.

И он поверил. Поверил слепо, жадно, как утопающий верит в брошенную верёвку.

Потому что безумно хотел верить.

Потому что в ту секунду она была единственным живым и настоящим, что оставалось в его жизни - без расчёта, без выгоды, без контрактов.

Потому что она смотрела на него так, словно во всём мире существовал только он один.

Она не бросалась громким «я люблю тебя».

Она делала нечто гораздо более страшное.

Она заставляла его чувствовать себя живым и необходимым.

Когда он вваливался в квартиру выжатым досуха - она встречала его у порога, бережно стягивала с плеч пиджак и с усмешкой бросала: «Вид у тебя такой, будто тебя только что с позором вышвырнули из твоего же банка».

Когда его накрывали сомнения и паника - она клала руку ему на грудь и говорила: «Ты сильнее, чем привык думать. Просто дай себе время».

Когда он срывался и злился - она не кричала в ответ. Она просто замолкала. И эта её ледяная тишина резала сильнее любого ножа.

И незаметно для самого себя Тимур пришёл к страшной мысли: если она уйдёт - он просто умрёт. Не сможет дышать.

Именно поэтому, когда однажды вечером она тихо произнесла:

- Тимур, нам нужно поговорить о сделке, - он кивнул сразу, не раздумывая ни секунды.

Не потому, что понимал, о чём пойдёт речь.

А потому, что до животного ужаса боялся потерять её.

Это случилось в её квартире.

Было далеко за полночь. За окном стеной стоял ливень. Тимур сидел на диване, а она - вплотную к нему, в его мятой рубашке, с неизменной тлеющей сигаретой в пальцах.

- Ты когда-нибудь любил по-настоящему? - вдруг спросила она, глядя в темноту окна.

Он повернулся к ней, вглядываясь в её профиль.

- Думаю, да. Сейчас.

- И каково это?

Он помолчал, прислушиваясь к гулкому стуку собственного сердца.

- Страшно. До безумия страшно.

Элли медленно кивнула.

- Всё верно. Так и должно быть.

- А ты? - тихо спросил он, затаив дыхание.

Она глубоко затянулась, осветив лицо красным огоньком сигареты.

- Я не умею.

- Не умеешь любить?

- Не умею останавливаться.

Тимур осторожно накрыл её холодную ладонь своей, сжимая пальцы.

- А если я попрошу тебя остаться? Навсегда.

Она повернулась и посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом. В глубине её глаз мелькнуло что-то неуловимое - то ли жалость, то ли тень старой боли.

А потом она улыбнулась. Пустой, чужой улыбкой.

- Ты уже просил.

- Нет.

- Просил, Тимур. Просто не вслух.

Он нахмурился, чувствуя, как по спине поползли ледяные мурашки.

- О чём ты говоришь?

Элли молча поднялась, подошла к письменному столу, выдвинула верхний ящик и достала плотную картонную папку.

Положила её на стол прямо перед ним.

- Вот.

Тимур с непониманием откинул обложку.

Внутри лежал лист бумаги. Договор.

Внизу стояло его имя. Его размашистая, уверенная подпись.

А прямо над ней - строчка, выведенная ровным шрифтом, которую он не помнил, чтобы когда-либо читал:

«Прошу даровать мне любовь всей жизни».

Кровь отхлынула от его лица. В ушах зазвенело.

- Это… что это за бред? - голос сорвался на хрип.

- Твой договор, Тимур.

- С кем?! — он вскинул на неё глаза, в которых плескался чистый ужас.

Она неторопливо вдавила окурок в пепельницу.

- С тем, кто умеет давать людям то, чего они жаждут больше всего на свете.

- Ты… — у него перехватило дыхание, слова застревали в горле. - Ты дьявол?

- Нет. Я куда хуже. Я всего лишь исполнитель.

Тимур резко вскочил с дивана, опрокинув стакан.

- Ты любишь меня? - вырвалось у него. Вопрос прозвучал жалко, надрывно, почти по-детски.

Элли взяла стакан и сделала долгий глоток виски, не отводя от него пустых глаз.

- Я дала тебе ровно то, за чем ты пришёл.

- Нет! - выкрикнул он, чувствуя, как земля уходит из-под ног, а грудь разрывает от боли. - Нет, ты не можешь так говорить! Ты… ты была рядом. Ты держала меня за руку. Ты знала меня, Элли!

- Я узнала ровно столько, сколько требовалось, чтобы ты поставил подпись.

Он побелел как мел, задыхаясь от предательства.

- Кто тебя подослал?

- Это уже не имеет значения.

- Элли, посмотри на меня. Пожалуйста, посмотри! - в его голосе звучала такая отчаянная мольба, от которой стыла кровь.

Она подняла взгляд.

В её глазах не было ни злорадства, ни жестокости. Только глухая, выжженная пустота и бесконечная усталость. И это равнодушие убивало вернее любого ножа.

- Ты получил любовь всей своей жизни, Тимур, — ровно произнесла она. - Просто в договоре ты забыл уточнить, что хочешь, чтобы она была взаимной.

Он замер, словно получил пулю в сердце. Воздух кончился.

- Я думал… - прошептал он разбитыми губами.

- Люди вечно думают, что любовь - это светлое спасение. А потом задыхаются, когда она смыкает пальцы у них на горле.

- Я не хотел, чтобы ты страдала…

- Нет. Ты просто хотел, чтобы я не смогла от тебя уйти.

Тимур словно сломался пополам. Он медленно, тяжело опустился обратно в кресло, закрывая лицо дрожащими руками.

— Я всё отдам, — глухо прохрипел он сквозь пальцы. — Деньги. Компанию. Дом. Всё до копейки. Только не уходи. Прошу тебя, Элли…

Она поднялась.

Каблуки сухо, безжалостно цокнули по паркету — словно отсчитали последние секунды.

— Этот договор не предусматривает возврата.

— Мне плевать на возврат! — с отчаянием выдохнул он, поднимая на неё полные боли глаза. — Мне нужна только ты.

Она замерла у самой двери, положив пальцы на холодную ручку.

На одно короткое, мучительное мгновение ей до боли захотелось обернуться и сказать хоть что-то живое. Признаться, что она не выбирала эту проклятую работу. Что когда-то давно она сама умела верить в любовь. Что ночами она ненавидит себя так люто, что готова сжечь этот мир дотла вместе с собой.

Но она промолчала. Стиснула зубы до боли в скулах.

Потому что жалость — это непозволительная роскошь. В её работе жалость убивает.

— Прощай, Тимур, — тихо бросила Элли.

Щёлкнул замок. И она вышла, оставив его в звенящей пустоте.

После

Элли не обернулась ни разу.

Она спустилась вниз, нырнула в салон машины и долго сидела в темноте, даже не пытаясь завести мотор. Крупные капли дождя яростно колотили по крыше, отрезая её от всего мира. На пассажирском сиденье валялась её сумка, из которой — среди связки ключей, зажигалки и тюбика помады — торчал уголок папки с его именем.

Она достала сигарету и прикурила. Затяжка обожгла лёгкие.

Не потому, что хотелось никотина.

А потому, что пальцы предательски, мелко дрожали, не желая слушаться.

— Блядь, — глухо выдохнула она в пустоту салона.

Она слишком хорошо знала, что случится дальше. Знала по пунктам протокола. Знала по горькому опыту. Знала той самой мёртвой, механической частью души, которая давно разучилась плакать.

Через трое суток его найдут.

Он будет сидеть на полу в разгромленной квартире, среди осколков разбитых бокалов, и сумасшедшим шёпотом повторять её фразы.

Потом —вой сирены. Скорая. Страшный диагноз. Белые стены клиники.

А в финале — распахнутое окно на последнем этаже.

Элли плотно зажмурилась, пытаясь прогнать наваждение.

Она не видела этого вживую. Не должна была видеть. Но перед внутренним взором каждый раз вставала одна и та же картина: он стоит на самом краю, смотрит вниз на равнодушный город, а в голове у него набатом звучит её собственный голос:

«Ты получил любовь всей жизни, Тимур».

Она до боли в костяшках сжала руль.

— Сука, — прошипела она сквозь зубы.

Ударив по рулю.

Потому что она знала: он ещё позвонит. Будет срываться на крик, задыхаться, умолять. Будет швырять к её ногам миллионы, особняки, острова — всё, что у него есть. А она ответит «нет» — ровно, вежливо, строго по инструкции.

И это спокойствие добьёт его вернее пули.

Элли распахнула глаза, с силой вдавила тлеющую сигарету в пепельницу и повернула ключ зажигания. Мотор глухо заурчал.

— Работай, Элли, — приказала она себе ледяным голосом. — Ты же профи.

Глава 2

Глава 2. Кабинет Морога

Снаружи это здание выглядело как обычный закрытый загородный особняк из тёмного камня, скрытый за высокими коваными воротами и вековыми елями в тихом пригороде. Для смертных — просто владение эксцентричного, нелюдимого миллионера. Но именно здесь, за потайными панелями и тяжёлыми дубовыми дверями его личного кабинета, был спрятан истинный вход в преисподнюю. Стоило переступить порог этого зала — и законы живого мира переставали работать, уступая место холодной бесконечности нижних уровней.

Сам хозяин этого места совсем не походил на чудовище из древних гравюр — ни рогов, ни пепла, ни уродливых шрамов. Напротив, повелитель преисподней обладал пугающей, породистой, хищной привлекательностью, перед которой смертные теряли волю быстрее, чем успевали осознать опасность. Высокий, широкоплечий, с идеальной, ленивой грацией человека, которому принадлежала сама вечность. Безупречно скроенный чёрный костюм облегал атлетическую фигуру, расстёгнутый ворот тёмной рубашки открывал острые ключицы, а резкие, аристократичные скулы, тёмные, чуть растрёпанные волосы и глубокий бархатный голос делали его похожим скорее на падшего ангела, чем на палача. Но главной его ловушкой были глаза — бездонные, обсидианово-чёрные, с едва уловимым холодным отблеском, в которых тонули чужие тайны и чужой страх.

Здесь, за потайной границей особняка, в самом сердце преисподней, не было ни кипящих котлов, ни чертей с вилами из глупых человеческих сказок. Современный Ад давно превратился в холодную, безупречно отлаженную корпорацию — вечный бюрократический механизм, где людские слабости перерабатывались в контракты с точностью швейцарских часов. Семь нижних ярусов, уходящих глубоко под фундамент особняка, семь огромных секторов — строго по числу смертных грехов.

Прямо под каменным полом кабинета, в гулких недрах ведомства, круглосуточно кипела работа. В отделе "Гордыни" кураторы раздували чужое самолюбие до размеров вселенной, чтобы потом с наслаждением наблюдать за падением. В крыле "Гнева" подливали масла в огонь старых обид, вкладывая в дрожащие руки оружие. Отделы "Зависти", "Уныния" и "Чревоугодия" без устали штамповали мелкие, липкие сделки — на чужой успех, на забвение, на бесконечное потребление, перемалывая человеческие судьбы в сухие цифры квартальных отчётов. Исполнители — такие же мёртвые души, когда-то подписавшие договор ради шанса не исчезнуть в небытии, — поднимались через закрытые коридоры особняка в мир живых, как обычные менеджеры, только вместо акций они торговали иллюзиями.

Но самые тонкие, кровавые и грязные партии всегда сходились здесь, наверху, на столе из чёрного дерева.

Прямо перед Морогом лежала папка, только что поднятая по из отдела "Жадности и Алчности" — отдела, где человеческие жизни мерили курсами валют и чужими долгами. На картонном переплёте было выведено всего одно имя. То самое, от которого Элли трясло и которое она одновременно люто ненавидела и до беспамятства любила при жизни,пока её чистую и светлую душу не продали ему. Морог усмехнулся своим мыслям, аккуратно отложил это дело в сторону и придвинул к себе другое — с тисненой печатью отдела "Любви и Похоти". Самого прибыльного по числу душ и их частям, где ломали не кости, а судьбы, и где лучшим, самым безжалостным исполнителем числилась сама Элли.

Он медленно провёл длинными, красивыми пальцами по свежим, аккуратным строчкам.

— Тимур, — негромко произнёс Морог с лёгкой, ленивой усмешкой, от которой в голосе зазвучал низкий, вибрирующий бархат.

Рядом, у основания старой лампы, лежала выцветшая фотография. Сделанная много лет назад — ещё в той, прошлой жизни, где Элли была по-настоящему живой. Где она звонко, беззаботно смеялась. Где у неё ещё было имя, которое она теперь проклинала.

Морог вглядывался в этот снимок долго. Слишком долго для хозяина прииподни, который привык утверждать, что не испытывает ни к кому привязанности. В его тёмных, древних глазах мелькнуло что-то тяжёлое, почти болезненное.

А потом он произнёс тихо, словно давая обещание самому себе:

— Совсем скоро, Элли.

И в глухой темноте кабинета что-то едва уловимо дрогнуло — не отблеск пламени, не колыхнувшаяся тень.

Что-то пугающе похожее на жадное, долгое нетерпение.

Глава 3

Глава 3. Правила службы
Морог

Я ненавижу утро.

Не потому, что солнечный свет обжигает мою природу. Свет — всего лишь ещё одна разновидность боли, к которой со временем привыкаешь, как к ноющей пустоте в груди.

Я не люблю утро, потому что в эти часы смертные просыпаются и начинают надеяться. Они пьют свой обжигающий кофе, смотрят в окна и наивно верят, что сегодня всё изменится. А надежда — самая дорогая, самая хрупкая и самая грязная валюта в моём ведомстве.

В моём кабинете нет окон.

Сплошные стены из тёмного, выщербленного камня, поглощающего любой звук. Я построил этот чертог таким не потому, что прячусь. Просто окна предполагают, что снаружи существует мир живых. А мир живых слишком шумный, слишком суетливый, слишком переполненный людьми, которые ещё не подписали свой приговор. Здесь же, в глубине моей обители, пахло только остывшим воском, дорогой кожей, пеплом чужих желаний и тишиной, от которой закладывало уши.

Я сидел в высоком кресле за массивным столом из чёрного дерева и неторопливо перебирал папки.

На каждой — имя.На каждой — человеческая страсть.На каждой — цена, которую смертный не сможет выплатить до конца.

Дело Тимура лежало на самом верху.

Свежая картонная папка, ещё пахнущая чернилами. Свежая рана. Свежая строчка в бесконечном реестре душ.

Я медленно провёл кончиками пальцев по шершавой обложке.

— «Любовь всей жизни», — произнёс я в пустоту тихо, пробуя слова на вкус. — Какая дешёвая, приторная пошлость.

В огромном полутёмном кабинете, кроме меня, не было ни единого существа. Холодный воздух не шелохнулся.

И всё же из густой, непроглядной тени у книжных шкафов донёсся тихий, шелестящий ответ:

— Он оказался слабым.

Уголки моих губ дрогнули в едва заметной, хищной усмешке.

— Все они слабые, — ответил я в темноту. — До тех пор, пока не влюбятся по-настоящему. Вот тогда в них просыпается чудовищная сила. Сила уничтожать самих себя.

Тяжёлая дубовая дверь распахнулась без стука, глухо ударившись об ограничитель.

Она всегда так делает. Словно проверяет на прочность и мои границы, и моё дьявольское терпение.

Элли вошла в кабинет так, будто это её собственная гостиная, а я — случайно забредший сюда мелкий, скучный бухгалтер. Она принесла с собой резкий, чужеродный для этого склепа запах: горького табака, ночного дождя живого мира и её холодные духи с ноткой полыни.

На тонкой щиколотке темнела цепочка из мелких звеньев.

Я всегда смотрел на этот рисунок и думал, что она носит его не ради красоты. А потому, что он был до боли честным. Напоминание о цепи, с которой невозможно сорваться даже после смерти.

— Ты опять не постучалась, — ровно сказал я, даже не поднимая глаз от бумаг.

— А ты опять делаешь вид, будто тебя это раздражает, — парировала она с ленивой издёвкой.

Я медленно отложил тяжёлую перьевую ручку. Скрип металла о дерево прозвучал в тишине как выстрел.

— Ты уже отчиталась?

Элли подошла к столу, опустилась в кожаное кресло напротив и закинула ногу на ногу. Тонкий каблук сухо, отчётливо цокнул по каменному полу.

— Почти.

— «Почти» — это не отчёт. В Аду любят точность.

— А это мой фирменный стиль, — она чуть склонила голову набок, глядя на меня своими спокойными, бездонными глазами, в которых после гибели выгорело всё живое.

Я вгляделся в её бледное лицо, в россыпь веснушек на переносице. Она прекрасно знала, что я терпеть не могу этот её вызывающий, небрежный тон. И ломала комедию нарочно — чтобы выбесить, чтобы пробить мою ледяную броню, чтобы хоть на секунду почувствовать, что она всё ещё принадлежит сама себе, а не мне.

— Тимур, — коротко бросил я.

Элли едва заметно вздохнула. Плечи её на секунду опустились, выдавая глухую, вымотывающую усталость.

— И что с ним?

— Сегодня утром его перевели в закрытую клинику.

Она даже бровью не повела. Ни тени удивления.

— Я в курсе.

— Ты знала? — я прищурился.

— Я похожа на идиотку? — в её голосе впервые прорезалась сталь и скрытая, ядовитая горечь. — Я прекрасно знаю, чем заканчиваются твои договоры. Я видела это десятки раз.

— И всё же ты не остановилась. Не дала ему ни единого шанса.

Элли полезла в карман, достала сигарету и нервно крутанула её в длинных, бледных пальцах.

— Я не умею останавливаться. Ты сам меня этому научил, когда вытащил с того света.

— Это не ответ, Элли.

— Это единственный ответ, который у меня остался.

В кабинете повисла тяжёлая, вязкая тишина. Казалось, сам воздух между нами загустел, стал холодным и колючим. Я молчал, глядя на неё, а потом медленно подвинул по полированному дереву стола тонкую картонную папку.

— Твой отчёт. Ознакомься.

Она протянула руку — пальцы у неё мелко, почти незаметно дрожали, хотя лицо оставалось каменной маской — и раскрыла обложку.

Отчёт Элли

Объект: Тимур. Желание: любовь всей жизни. Статус: исполнено. Метод: глубокая эмоциональная привязка, полная социальная изоляция, формирование критической зависимости. Результат: пациент переведён в психиатрическую клинику закрытого типа. Состояние — критически нестабильное. Прогноз — неблагоприятный.

Элли читала эти сухие, бездушные строчки долго. Слишком долго для такой короткой бумаги.

Потом с глухим хлопком захлопнула папку.

— Ты мог написать куда проще, — тихо произнесла она, не поднимая взгляда.

— Например?

— «Он сдох». Или «он окончательно спятил». Одно слово. Я ненавижу, когда ты расписываешь это так, будто сочиняешь красивый некролог.

— Я не пишу некрологи. Я фиксирую факты.

— Нет, Морог. Ты выносишь приговоры.

Я криво усмехнулся, чувствуя странное, острое удовлетворение от того, что наконец-то задел её за живое.

— Ты сегодня в ударе.

— Я всегда в ударе.

— Врёшь. Сегодня ты злишься. Кипишь изнутри.

Она чиркнула зажигалкой, прикурила прямо в моём кабинете, нарушая все правила, и жадно затянулась. Едкий серый дым поплыл между нами, как туман над болотом.

— Я всегда злюсь, — выдохнула она вместе с дымом.

— Нет. Обычно ты просто мертвецки устала.

Элли резко подняла на меня глаза. И в этой бездонной, холодной глубине я вдруг увидел то, что ненавижу больше всего на свете. То, что могло разрушить всю её идеальную службу.

Вину. Живую, жгучую, разъедающую её изнутри человеческую вину.

— Ты правда считаешь, что я виновата? — спросила она тихо, и в этом вопросе вдруг прозвучала пугающая, почти детская уязвимость.

Я не ответил сразу. Секунды тянулись мучительно медленно.

Я слишком хорошо знал правила этой игры: если скажу «да» — её гордость и боль взорвутся, и она снова начнёт рваться на волю, как пойманный зверь. Если скажу «нет» — она перестанет меня бояться и почувствует безнаказанность. А мне было жизненно необходимо, чтобы она и боялась, и оставалась рядом.

— Я считаю, что ты безупречно сделала свою работу, — произнёс я наконец ледяным, отстранённым тоном.

Она горько, надломленно усмехнулась.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Элли выпустила дым в потолок и посмотрела на меня с внезапной, пугающей проницательностью.

— Ты сегодня тоже в ударе, Морог.

— Я всегда в ударе.

— Врёшь, — повторила она моё слово с тихой усмешкой. — Сегодня ты боишься.

Я замер. Внутри всё на мгновение похолодело.

Она заметила. Проклятье, она снова заметила. Даже став моим исполнителем, эта женщина обладала дьявольским чутьём на чужие трещины — всегда безошибочно находила именно то, что я прятал глубже всего.

— И чего же боится Дьявол? — спросил я максимально ровно, скрывая напряжение.

— Того, что однажды я приду сюда, брошу эту папку тебе на стол и скажу: «Хватит».

Я смотрел на неё долго, не мигая, пытаясь подавить её взглядом. А потом медленно отвернулся в сторону глухой каменной стены — туда, где у смертных бывает окно.

— Ты не скажешь. И не уйдёшь.

— Это ещё почему?

— Потому что ты умерла, Элли. За этими стенами для тебя больше нет ни жизни, ни места. Тебе просто некуда идти.

Элли замолчала. Тишина в кабинете снова стала невыносимой, давящей на виски. Она знала, что я прав: её сердце остановилось много лет назад, и только моя воля удерживала её между мирами.

Потом скрипнула кожа кресла — она поднялась.

— Знаешь, Морог, иногда ты бываешь чертовски прав.

— Только иногда?

— Не привыкай.

Каблуки сухо, поспешно процокали к выходу. Дверь открылась и закрылась, оставив после себя лишь тающий в воздухе запах горькой полыни и сигаретного дыма.

После того как за ней захлопнулась дверь, я долго сидел совершенно неподвижно, глядя в пустоту перед собой. В груди ворочалось что-то тяжёлое, глухое, несвойственное моей природе.

Потом я медленно выдвинул нижний ящик стола, запертый на старый ключ.

Достал оттуда тонкую, потёртую по краям папку.

На обложке было выведено её настоящее имя.

То самое имя, от которого её трясло и которое она люто ненавидела. То имя, которое она умоляла стереть из всех списков, когда умерла и впервые переступила мой порог — с разбитыми в кровь костяшками, с пулей под сердцем, которой там не должно было быть, и с такой чёрной, испепеляющей ненавистью к миру живых, который равнодушно позволил ей истечь кровью. .

Я бережно провёл пальцами по выцветшим буквам.

— Элли, — прошептал я в тишину кабинета.

В комнате по-прежнему никого не было. Ни единого движения.

И всё же из угла, где сгустился мрак, донёсся тихий, вкрадчивый голос:

— Ты её любишь.

Я не повернул головы, продолжая смотреть на папку.

— Я её ценю. Она лучший мой исполнитель.

— Это не одно и то же. И ты сам это знаешь.

— Знаю.

— Тогда зачем ты держишь её на цепи? Отпусти её душу.

Я с глухим стуком захлопнул папку, сжимая её пальцами.

— Потому что если я разожму руки — она исчезнет в небытии.

— И что с того?

— И я понятия не имею, как буду существовать в этой вечности без неё.

В кабинете повисла мёртвая, звенящая тишина.

А потом голос из тени прошелестел снова — уже без насмешки, почти сочувственно:

— Ты боишься вовсе не потерять её.

— А чего же? — горько усмехнулся я.

— Ты до ужаса боишься, что однажды она окончательно станет похожа на тебя.

Я криво улыбнулся, глядя на чёрное дерево стола.

— Посмотри на неё. Она уже стала такой же. Холодной и мёртвой.

— Нет. Она всё ещё умеет чувствовать. И эта боль делает её живой.

Я перевёл взгляд на старую, выцветшую фотографию, лежавшую на краю стола.

На ней была Элли. Настоящая, живая. С запрокинутой головой, звонко смеющаяся под ярким летним солнцем. С тем самым именем, которое она теперь проклинала.

— Пока умеет, — тихо ответил я.

Однажды, много лет назад, она уже задавала мне этот вопрос.

— А если я откажусь работать на тебя? — спросила она тогда, стоя посреди этого же мрачного кабинета.

Я смотрел на неё долго. А потом спокойно улыбнулся.

— Ты не откажешься.

— Почему ты так уверен?

— Потому что ты уже пробовала.

Элли тогда замолчала, опустив глаза.

И я был абсолютно прав. Она действительно пробовала.

Это случилось в самый первый год после её смерти. Тогда она ещё слишком остро помнила, каково это — быть живой. Помнила тепло чужих рук, вкус утреннего воздуха, знала, каково это — любить без оглядки. Тогда она ещё наивно верила, что сможет уйти.

Она ворвалась ко мне бледная, дрожащая от ярости и отвращения к самой себе, и бросила:

— Я больше не могу. Я не хочу служить тебе и ломать чужие судьбы.

Я не стал спорить. Просто молча налил ей полный стакан дешёвого, обжигающего виски.

— Хочешь уйти?

— Да. Прямо сейчас.

— Куда?

Она открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле. Она не ответила. Потому что в мире живых её тело давно лежало в земле, а за порогом у тьма.

Я медленно кивнул.

— Вот именно.

А потом я поднялся, прошёл в дальний угол кабинета и открыл перед ней дверь.

Самую обычную, ничем не примечательную деревянную дверь.

За ней не было ни кипящих котлов, ни райских кущ. Там тянулся обычный, стерильный коридор, залитый ровным белым светом. Единственный выход — возможность вернуться ровно в ту секунду и в то место, где оборвалась её жизнь. В холод, в пулю под сердцем, в кровь и в окончательное небытие.

Элли стояла на пороге перед этим белым светом минут десять. Не шевелясь. Я видел, как тяжело вздымаются её плечи, как она сжимает кулаки до побеления костяшек, пытаясь заставить себя сделать шаг в пустоту.

А потом она медленно развернулась и вернулась обратно в мой полумрак.

— Почему ты не попытался меня остановить? — спросила она глухо, глядя в пол.

Я пожал плечами, возвращаясь за свой стол.

— Потому что настоящая свобода — это когда тебе ничего не запрещают.

— А когда?

— Когда ты сам до боли ясно понимаешь, что тебе абсолютно нечего с этой свободой делать.

Элли тогда не нашлась что ответить. Она просто взяла со стола стакан с виски и выпила его до дна.

И с того самого дня больше никогда не спрашивала о выходе. Она осталась моей. Навсегда.

Я медленно закрыл отчёт о Тимуре.

Посмотрел на старую фотографию смеющейся Элли.

Потом — на тонкую папку с её настоящим именем.

И наконец перевёл взгляд на пустое кожаное кресло напротив, где ещё витал едва уловимый запах полыни и сигаретного дыма.

— Совсем скоро, — произнёс я тихо в пустоту.

Глава 4

Глава 4. Первая трещина

Элли

Клиника пахла едкой хлоркой, отсыревшей штукатуркой и тем липким, безнадёжным страхом, который здесь никто не решался назвать вслух. Длинные коридоры с облупившейся зелёной краской на стенах и мигающими лампами дневного света давили на плечи, словно бетонные плиты.

Я терпеть не могла такие места.

Не потому, что боялась безумия.

А потому, что эти стены насквозь пропахли правдой.

А правду я ненавидела больше всего на свете.

Я прошла через боковой вход, небрежно сунув охраннику поддельный пропуск, который Морог выправил на имя «Элли Морозова, социальный работник». Сонный мужик за стеклом даже не поднял головы. Смертные привыкли не смотреть в глаза тем, у кого на груди болтается пластиковый бейдж.

Это удобно. Для них. И для меня.

Ада появилась в моей жизни три года назад.

Не как очередная галочка в отчёте. А как чудовищная, непростительная ошибка.

Морог почти никогда не ошибался. Его расчёты были безупречны, как лезвие бритвы. Но в тот раз он промахнулся.

Девушку звали Ада. Ей было всего двадцать четыре. Она работала в маленьком цветочном магазине на углу, жила вдвоём с мамой, мечтала хоть раз увидеть море и когда-нибудь открыть крошечное, уютное кафе с запахом корицы.

Обычная, светлая девочка. С самой обычной жизнью. И с самой страшной, заурядной бедой: она до беспамятства любила мужчину, который не стоил и её мизинца.

Его звали Денис.

Он был старше на десять лет. Породистый, красивый, пугающе уверенный в себе. Он умел говорить так бархатно и убедительно, что каждое его слово казалось чистой монетой.

Ада верила ему слепо. Потому что отчаянно хотела верить. Потому что в её серой, зажатой жизни было слишком мало людей, которые смотрели на неё с восхищением.

Денис предложил ей сделку. Не сразу.

Сначала были ночные прогулки, дорогие ужины, охапки белых роз и красивые обещания. Потом — долгие ночи, когда он сжимал её ладони в своих и шептал на ухо, что без неё просто перестанет дышать.

А потом на столе появились бумаги.

— Это пустая формальность, родная, — мягко улыбнулся он, протягивая ручку. — Просто чтобы ты знала: у нас всё навсегда.

И Ада подписала. Не потому, что была глупой. А потому, что любила. А влюблённые — самый податливый, самый удобный материал для нашего ведомства.

Строчка в договоре была до смешного простой:

«Прошу даровать мне любовь, которая никогда не закончится».

Морог исполнил желание до запятой.

Денис стал любить её так яростно, так всепоглощающе, что у Ады перекрыло кислород.

Он звонил каждые пять минут. Требовал отчёта за каждый шаг. Ревновал к прохожим, к кассиршам в супермаркете, к старым подругам, к её собственной тени на асфальте. Он запер её в квартире, отобрал телефон, запретил подходить к окнам без него.

Ада пыталась уйти — он швырял её обратно.Пыталась позвонить маме — он разбил смартфон о стену.Пыталась вырваться на лестничную клетку — он повернул ключ в замке и спрятал его у сердца.

И тогда до неё дошёл весь ужас содеянного: любовь, о которой она молила, превратилась в бетонный склеп.

Она сломалась. Не в один миг. Медленно, по кусочкам.

Сначала ушёл сон. Потом — голод. Потом пропал голос. А следом растаяло понимание того, кто она и зачем дышит.

Мама нашла её через месяц. В тёмной, затхлой квартире с наглухо зашторенными окнами. Ада сидела на холодном паркете, обхватив колени, и беззвучно шевелила потрескавшимися губами:

— Он сказал, что любит меня. Он сказал, что любит меня. Он сказал…

Её увезли сюда. Поставили стандартный диагноз — острое психическое расстройство. Причину записали как «неустановленную». Потому что врачи не верят в дьявольские контракты.

Никто не знал правды. Кроме меня.

Моя ошибка

В тот день три года назад я должна была просто закрыть договор. Холодно, сухо, по протоколу. Как делала это десятки раз до и после.

Но тогда я совершила непростительную глупость. Я осталась.

Опустилась на край её больничной койки. Посмотрела в её пустые, стеклянные глаза и тихо произнесла:

— Ты не одна.

Ада тогда медленно повернула голову. И вдруг улыбнулась — так светло и надломленно, что у меня заныло там, где давно нечему было болеть.

— Ты тоже? — прошептала она.

Я промолчала. У меня перехватило горло. Потому что в ту секунду я впервые за долгие годы после смерти почувствовала что-то живое, человеческое.

Жалость.

И это стало моей первой трещиной. Потому что жалость в моей работе — не спасение. Это жалкое признание собственного бессилия.

Прежде чем пустить меня в крыло для тяжёлых пациентов, меня перехватил дежурный врач.

Лев Ильич оказался грузным мужчиной лет пятидесяти в помятом, пропахшем дешёвым табаком халате. Под его глазами залегли глубокие, синюшные тени, а взгляд был таким тяжёлым и въедливым, словно он видел людей насквозь безо всякой магии.

Он остановил меня в тесной ординаторской, где на подоконнике умирал чахлый фикус, а на столе остывала кружка с чёрным, как дёготь, чаем.

— Соцработник, значит? — хрипло усмехнулся он, разглядывая мой бейдж с откровенным цинизмом. — Надо же. Обычно к таким, как Ада, заходят только санитары со шприцами да безутешная мать раз в полгода. А тут — целая делегация.

— Моя работа — проверять условия содержания, — ровно ответила я, пряча руки в карманы пальто.

Лев Ильич фыркнул, прислонившись поясницей к краю стола, и скрестил руки на груди.

— Условия отличные. Мягкие стены, трёхразовая каша и полная тишина в голове. Знаете, милочка, я тридцать лет копаюсь в чужих мозгах. Я видел шизофреников, видел наркоманов, видел тех, кого сломала война или нищета. Там всегда есть причина. Поломка. Сбой.

Он замолчал, сверля меня тяжёлым, уставшим взглядом.

— А у этой девочки мозг чистый, как у младенца. Никакой органики. Никакой наследственности. Она просто выгорела дотла изнутри за тридцать дней. Будто её душу сунули в раскалённую печь, подержали там, а потом выкинули обратно в тело. В медицине этому нет названия. Я для себя называю это *ожогом души*.

У меня внутри всё похолодело. *Ожог души.* Точнее не скажешь. Он всё понимал — чувствовал чужую, нечеловеческую природу этого безумия, но был абсолютно бессилен что-либо доказать. В его мире не существовало ни Морога, ни бумаг, подписанных кровью и отчаянием.

— Любовь способна сжечь человека не хуже огня, доктор, — тихо произнесла я.

Лев Ильич криво, горько усмехнулся, качая головой.

— Любовь лечит, девочка. А то, что сделали с ней… это не любовь. Это пожирание. Идите, палата четырнадцать. Только не ждите, что она вас узнает. Она уже три года смотрит сквозь стены.

Палата 14

Ада сидела на узком подоконнике, поджав под себя колени.

Тонкие, почти прозрачные запястья. Спутанные тёмные волосы, падающие на плечи. Бесформенная выцветшая больничная пижама. Она смотрела на грязное, затянутое тучами осеннее небо за решёткой так пристально, словно ждала, что там вот-вот откроется дверь.

Я негромко постучала по косяку открытой двери.

Она даже не шелохнулась.

— Ты снова пришла, — тихо, без всякого удивления сказала она.

У меня перехватило дыхание.

— Ты… ты меня знаешь?

Ада медленно повернула голову.

В её тёмных глазах не было ни мутной пелены безумия, ни пустоты. Там стояла страшная, кристально чистая, режущая память.

— Я помню твоё лицо, — прошептала она. — Я помню, как ты тогда улыбалась. Ты сказала мне: «Любовь — это не чудо. Это сделка».

По моей спине пробежал ледяной холод, словно кто-то полоснул по позвоночнику ножом.

— Ты ошибаешься, — выдавила я, заставляя голос звучать ровно. — Мы не знакомы.

— Нет.

— Я никогда раньше не переступала порог этой больницы.

— Ты была здесь.

Она бесшумно соскользнула с подоконника. Босые ступни коснулись холодного линолеума. Ада двинулась ко мне медленно, осторожно — словно боялась спугнуть дикого зверя, который растворится в воздухе от одного резкого звука.

— Ты приходила ко мне три года назад, — сказала она, не сводя с меня взгляда. — Ты села вот туда. — Она указала тонким пальцем на обшарпанный пластиковый стул у кровати. — И сказала: «Ты не одна».

Я перевела взгляд на стул. Обычный. Потёртый. Слишком реальный.

— Я не была здесь, — повторила я, чувствуя, как начинает колотиться сердце, которого у меня не должно было быть.

— Была.

— Ада, послушай…

— Я помню каждое твоё слово. Помню твой хриплый голос. Помню, как от тебя пахло горькими сигаретами и дорогим виски.

Я до боли в пальцах сжала ремешок своей сумки.

— Ты больна. Тебе это привиделось.

— Нет. — На её бледных губах расцвела тихая, жутковатая улыбка. — Это вы больны. Все вы. Вы называете это любовью только потому, что иначе пришлось бы признать: вы просто скупаете живых людей на корню.

Я невольно отступила на шаг к двери.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь.

— Понимаю, — она чуть наклонилась вперёд, вглядываясь мне прямо в душу. — Я просто единственная, кто выжил достаточно, чтобы сказать это тебе в лицо.

Ноги вдруг стали ватными и перестали держать. Я тяжело опустилась на тот самый пластиковый стул, чувствуя, как рушится моя привычная, выстроенная годами броня.

— Кто привёл тебя в эту клинику? — спросила я глухо.

Ада равнодушно пожала худыми плечами.

— Мама. Потом — Лев Ильич. Потом — снова мама. И снова уколы.

— А до этого?

Она посмотрела на меня с тихой горечью.

— До этого был он.

— Кто?

— Мужчина. Красивый. Уверенный. Он шептал, что любит меня. Что я — вся его жизнь. Что без меня он задохнётся.

Я медленно кивнула, глядя в пол.

— И ты поверила.

— Да.

— И поставила подпись на бумаге.

Она коротко, сухо усмехнулась.

— Ты всё знаешь.

— Я знаю протокол.

— «Протокол», — повторила Ада, пробуя слово на вкус. — Какое удобное, чистое слово.

— Это не удобство. Это система.

— Система, которая перемалывает людей в пыль.

— Система, которая даёт смертным ровно то, о чём они просят, — отрезала я, пытаясь вернуть себе привычный ледяной тон.

Ада снова отвернулась к зарешёченному окну.

— А если они сами не знают, о чём просят?

Я замолчала. Потому что знала ответ. И потому что этот ответ жёг мне язык.

— Они всегда просят не то, — тихо произнесла Ада в серое стекло. — Они молят о любви — а получают бетонную клетку. Просят свободы — а получают ледяное одиночество. Просят счастья — а получают удушающую зависимость.

— Ты слишком ясно мыслишь для этой палаты, — выдохнула я.

Она усмехнулась уголком губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.